

Научная статья

DOI: 10.17748/2686-8814-2021-3-2-110-118

УДК 947.084

**СССР И НАЦИСТСКАЯ ГЕРМАНИЯ: К ВОПРОСУ О ПРОТИВОСТОЯНИИ
ДВУХ РАЗЛИЧНЫХ СИСТЕМ**

Александр Альбертович Семенов

Армавирский механико-технологический институт,
филиал Кубанского государственного технологического университета
г. Армавир, Россия
orion156@mail.ru

Карина Кареновна Гаспарян

Армавирский механико-технологический институт,
филиал Кубанского государственного технологического университета
г. Армавир, Россия
karinagasparyan7@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются государственная и общественная системы нацистской Германии и Советского Союза перед Второй Мировой войной. Авторы обращают внимания на то, что данные системы были совершенно различны по своей сущности и не имели между собой ничего общего. Больше того, каждая из них обладала собственной идеологией. Исходя из этого, конфликт между странами был не только военно-политическим, но и идеологическим. Авторы указывают на то, что эти идеологии были абсолютно несовместимы, как и весь государственный и общественный строй двух стран. Они подчёркивают, что главную ответственность за развязывание Второй Мировой войны несёт именно нацистская Германия, выступившая как страна-агрессор не только против Советского Союза, но и против других европейских стран, которые длительное время всячески поощряли агрессивные намерения нацистов.

Ключевые слова: Советский Союз, нацистская Германия, противостояние, Вторая Мировая война, идеология

Для цитирования: Семенов А.А., Гаспарян К.К. СССР и нацистская Германия: к вопросу о противостоянии двух различных систем. // *Культурный ландшафт регионов*. 2021. Том. 3. № 2. с. 110-118.

DOI: 10.17748/2686-8814-2021-3-2-110-118

Original article

**USSR AND NAZI GERMANY: TO THE QUESTION OF THE OPPOSITION
OF TWO DIFFERENT SYSTEMS**

Alexander A. Semenov

Armavir Institute of Mechanics and Technology (branch)
of the Kuban State Technological University
Armavir, Russia
orion156@mail.ru

Karina K. Gasparyan

Armavir Institute of Mechanics and Technology (branch)
of the Kuban State Technological University
Armavir, Russia
karinagasparyan7@mail.ru

Abstract. The article examines the state and social systems of Nazi Germany and the Soviet Union before the Second World War. The authors draw attention to the fact that these systems were completely different in their essence and had nothing in common with each other. Moreover, each of them had its own ideology. Based on this, the conflict between the countries was not only military-political, but also ideological. The authors point out that these ideologies were absolutely incompatible, as well as the entire state and social system of the two countries. They emphasize that the main responsibility for the outbreak of World War II is borne by Nazi Germany, which acted as an aggressor country not only against the Soviet Union, but also against other European countries that for a long time in every possible way condoned the aggressive intentions of the Nazis.

Key words: Soviet Union, Nazi Germany, confrontation, World War II, ideology.

For citation: Semenov A.A., Gasparyan K.K. USSR and Nazi Germany: to the question of the opposition of two different systems. *Cultural landscape of the regions*. 2021. . Vol. 3. № 2. с. 110-118. (In Russ.).

DOI: 10.17748/2686-8814-2021-3-2-110-118

Идеология германского нацизма была построена на идее превосходства германской арийской нации над всеми остальными расами и народами. Напротив, коммунистическая идея, которая начинает господствовать в России после октября 1917-го года, представляла собой идею интернациональную, в основе которой находилась идея безусловного всеобщего равенства и единения всех народов мира. Таким образом, это фундаментальное отличие строится на том, что в первом случае речь идёт о безусловной национальной исключительности, нация ставится впереди всего и её интересы являются самыми важными, а остальные по сравнению с ней вторичны.

Коммунистическая идея основана на том, что существует всемирное единение людей труда – пролетариев и неизбежен приход мировой революции, которая

сотрет границы между различными странами и народами. Это фундаментальное противоречие между двумя идеологическими системами делало их не просто отличными друг от друга, но и антагонистическими друг другу по своей сути. Кроме того, экономическая основа двух режимов также была совершенно различна. При схожих чертах милитаризации и концентрации экономическая модель двух стран существенно отличалась друг от друга. В гитлеровской Германии сохранялась частная собственность, крупный монополистический капитал. Действовали частные банки, картели и концерны, аффилированные с существующим нацистским режимом. В то же время они были вполне самостоятельными в вопросах организации и функционирования производства, определении его технологических циклов.

В СССР вся собственность носила государственный характер, и именно государство определяло и регламентировало все стороны и аспекты экономической жизни, производства в соответствии с существующими плановыми заданиями. В культуре нацистской Германии господствовала идея развития арийской культуры, поставленной на служение германской нации, в то время как в Советском Союзе преобладал стиль пролетарского искусства, так называемого социалистического реализма, который развивался в рамках новой советской культуры и т.д. Все эти фундаментальные различия свидетельствовали о том, что по большому счёту существование одной государственно-идеологической системы напрочь исключало существование другой в рамках существующего и отведенного им исторического пространства и времени. Более непохожих режимов, имеющих различную сущность и внутреннюю природу, сложно было в это время даже представить. Внешнее, видимое сходство между ними, которое, безусловно, имелось, определялось социокультурными и историческими особенностями того времени, особыми свойствами социальной организации, управления и функционирования общества, установившимся в тот период. Даже демократические государства того времени были ближе к социально-политической модели германского нацизма, чем коммунистический Советский Союз.

В данный период практически во всех странах тогдашнего мира наметился процесс использования различными обществами схожих социальных практик и наблюдался процесс обретения ими схожих социальных характеристик вне зависимости от формы правления и социальной организации. Так, основополагающей чертой в это время стали огосударствление всей общественной жизни, утверждение государственного коллективизма и принципа политического вожества. Эти черты отмечались практически во всех странах тогдашнего мира. Поощряемое властью социально-политическое единство было призвано сформировать единый общественный механизм, противостоящий внешним вызовам. Это отмечалось не только в СССР или нацистской Германии, но и в других европейских (и не только) государственных и общественных системах.

Пример Италии, Японии, Испании, Португалии и других стран, близких по социальной и политической организации к нацистской Германии, в данном случае не является показательным, они изначально дрейфовали в сторону фашистской государственности западно-европейского коллективистского типа. Здесь, на наш взгляд, весьма репрезентативен пример так называемых демократических стран и обществ, которые также, исподволь, вступили на этот путь и продвигались по нему на протяжении всего периода, связанного с подготовкой к новой мировой войне и участием в ней. Так, Х. Николсон отмечал, говоря о возникновении в Британии союзе фашистов, что тем самым создавалась абсолютно искусственная, но в

нынешней обстановке наиболее действенная тайная связь между нами и Гитлером» [4].

К примеру, социально-экономическая жизнь Великобритании с 1938 г. фактически проходила в условиях тотальной милитаризации, коллективистского единства и огосударствления всей общественной жизни. Так, британская Таймс отмечала, что симпатии английского правительства к идее «сильного государства» по типу гитлеровской Германии были столь очевидны, что Чемберлену даже пришлось публично от них отречься. Выступая в декабре 1938 г., он говорил: «По моим сведениям, в некоторых кругах считают, что... я благосклонен к нацистской или фашистской системе. Если это означает, что я хотел бы видеть такую систему в нашей стране, то это абсолютно неверно» [5].

В годы Второй мировой войны, формально сохраняя демократическую, парламентскую систему, Британия фактически перешла к личному лидерству, основанному на последовательном доминировании в политической жизни страны У. Черчилля. Это нашло выражение в предоставлении ему фактически диктаторских полномочий, которые предполагали концентрацию в одних руках не только всей полноты военной, но и политической власти, полное и ручное управление всеми процессами в экономике и социальной сфере, подчинение всего общества задаче достижения победы в войне. Как следствие, во внутренней жизни на общество накладывался ряд ограничений социального и политического характера, наблюдалась его полная милитаризация, ощущалось давление цензуры, набирала силу политическая и военная пропагандистская машина.

Схожие процессы происходили и в Соединенных Штатах, которые также вступили на путь общественной унификации, определяемый, с одной стороны, последствиями мировой экономической депрессии, а с другой – подготовкой и последующим участием в мировой войне. Поэтому, как указывает Р. Дайвин, отказавшись от дальнейших преобразований «нового курса», которые являлись главным источником внутривнутриполитических раздоров, «Рузвельт приступил к объединению консерваторов и либералов вокруг программы подготовки страны к встрече с опасностями, грозящими ей на международной арене» [6]. Здесь также политическая власть носила персонифицированный характер и напрямую ассоциировалась с личностью президента Ф.Д. Рузвельта, который в нарушении всех норм и традиций четырежды избирался президентом США. Правительство Ф.Д. Рузвельта фактически осуществляло план огосударствления всей экономической жизни страны и подчинения всех социальных и экономических процессов нуждам обороны. Так, например, руководство военно-научными учреждениями осуществлялось правительственным консультативным комитетом по авиации, исследовательским комитетом национальной обороны, комитетом медицинских исследований и другими органами, подчиненными непосредственно президенту. Комитет национальной обороны имел 19 отделов, каждый из них занимался разработкой одного вида оружия или техники: ракет, радаров, приборов управления огнем и т. д. [7].

Еще раньше американское правительство пошло на невиданные ранее в США эксперименты, начав создание трудовых армий и перестройку всей общественной жизни на основе антикризисных законов и законов военного времени. Так, еще в январе 1934 г. Г. Вудринг, вскоре назначенный военным министром, [8] откровенно заявил: «Люди, которые считают, что американская армия не готова и не способна взять контроль над страной, просто не знают фактов. Наша армия – единственная правительственная организация, которая уже стоит в готовности

не только к защите страны, но и способна справиться с социальными и экономическими проблемами в случае чрезвычайного положения... Давайте говорить прямо! В случае если создастся угроза внешней войны, экономического хаоса или социальной революции, армия имеет подготовку, опыт, организацию и людей для защиты правительства...» [9]. Все эти меры предусматривали тотальный контроль государства над различными сферами жизни общества, концентрацию ресурсов и установление практики политического и социального единства общества перед лицом внешних угроз и вызовов.

Широко действовала в это время в США и система политической слежки и контроля над неблагонадежными гражданами, которые по мысли американских властей имели пронацистские взгляды или симпатизировали милитаристской Японии. Впоследствии, уже во время войны, для них была создана система концлагерей, в которых, в нарушении всех конституционных норм и прав человека, вместе с ними находились в заключении и граждане немецкого и японского происхождения. Их полностью лишили всех политических прав и свобод, декларируемых американской конституцией. Все эти аспекты роднили эти демократические страны с так называемыми «тоталитарными» государствами – Германией и СССР – и делали их похожими на них.

Таким образом, схожие черты имелись в то время в характере социально-политического развития самых разных стран, в том числе и тех, которые считались основанными на демократических политических ценностях. В этом контексте вывод об идентичности внутреннего устройства и социальной организации и геополитических устремлений исключительно только нацистской Германии и коммунистического Советского Союза представляется слабо обоснованным и в корне неверным. В данный исторический период ужесточение внутренней и внешней политики, а также создание плановой, милитаризованной экономики с особым типом социальной организации было общемировым трендом, в рамках которого приобретали схожие характеристики политические системы самых разных обществ, находящиеся на разных уровнях социально-экономического и политического развития, системной организации т.д.

В это время западные страны по своему внутреннему устройству, организации власти, характеру экономической жизни мало чем отличались от так называемых тоталитарных государств. Исходя из этого, ссылки западных исследователей на некие принципиальные отличия одних от других в этот период во многих аспектах общественной жизни противоречат объективной исторической реальности. Однако определенные различия между ними все же сохранялись, и, конечно, говорить об абсолютной их идентичности не приходится. Как отмечает Губзов И.А., «из всех ведущих держав первой половины XX века крушения либеральной демократии удалось избежать только Великобритании и США. Тем не менее, и в англосаксонских странах в середине XX века было заметно усиление авторитарных тенденций, особенно в годы Второй мировой войны» [10].

Постоянное же сравнение СССР и нацистской Германии между собой, которые зачастую допускают западные ученые-историки, на поверку оказывается несостоятельным. Оно является лишь инструментом в геополитической борьбе с современной Россией, которая часто воспринимается на Западе как наследница Советского Союза и продолжательница его дела на мировой геополитической арене, что, впрочем, абсолютно не соответствует сегодняшней действительности. Отсюда западными исследователями нередко делается и следующий вывод о том, что за начало Второй мировой войны несут ответственность исключительно два

тоталитарных режима: германский нацистский и советский. В этом ряду вновь реанимированных сейчас тезисов находится и квалификация германского нападения на Советский Союз как превентивного удара. А ведь когда-то это было официальным нацистским оправданием операции «Барбаросса». Так, уже 22 июня 1941 г. Гитлер в своем обращении к германскому народу пытался объяснить ему, почему сотрудничество с Советским Союзом было заменено военным положением. Он использовал все свое ораторское искусство, чтобы раздуть страх перед «еврейско-большевистским владычеством в Москве». Эта клика якобы стремилась к тому, чтобы «бросить в огонь пожара не только Германию, но и всю Европу» [11].

Споры о концепции превентивного удара, может быть, и обошлись бы просто незначительными стычками историков, если бы Йоахим Гоффман не пришел к выводу в 4-м томе солидного исторического труда, изданного Военно-историческим научно-исследовательским институтом во Фрейбурге под названием «Германский рейх и вторая мировая война», о том, что тезис о превентивной войне Германии против СССР вполне имеет право на существование [12]. Он писал, что «во всяком случае, анализируя исторические факты, можно сказать, что июнь 1941 г. был последним моментом для возможной превентивной войны» [13]. Затем Й. Гоффман еще раз подкрепил эту точку зрения в своем «Письме читателю». Авторы, разделяющие мнение Гоффмана, исходили, как правило, из представления о том, что СССР до Второй мировой войны и перед ее началом занимал доминирующую политическую и военную позицию в международной системе [14].

Наряду с этим, небезызвестный Виктор Суворов (Резун) упорно защищает гипотезу, будто бы Красная Армия была развернута для того, чтобы навязать Германии войну на два фронта. У Советов-де не было иной альтернативы, поскольку демобилизация сосредоточенных на границе соединений ко времени уборки урожая могла быть осуществлена только ценой экономической катастрофы [15]. На поверку данная аргументация не выдерживает никакой критики. Так, А. Василевский исходит из того, что советское руководство в предвоенные годы делало все, чтобы оптимально усиливать оборонный потенциал страны. Однако вторжение немцев в Советский Союз поставило Красную Армию в крайне невыгодное положение, ибо Сталин не сумел своевременно предвидеть нападение и принять необходимые меры «для отражения первых ударов». «Он не разрешил войскам приграничных военных округов привести себя в полную боевую готовность, потому что верил, что этот шаг мог быть воспринят фашистскими правящими кругами «третьего рейха» как предлог для развязывания войны. Войска, находившиеся в приграничных областях, оказались недостаточно подготовленными к отражению агрессии. Мощный удар гитлеровской военной машины был для них совершенно внезапным» [16]. Далее А. Василевский отмечает: «Нам требовалось еще по крайней мере один-два года мирного развития, чтобы решить задачи, поставленные военным планированием. В них входил форсированный выпуск новых образцов оружия и боевой техники, призыв новых контингентов в армию, их обучение, оперативная и тактическая, а также техническая подготовка командных кадров в духе требования современной войны, приведение всей страны в полную боевую готовность и многое другое» [17].

Прозападными историками зачастую никак не упоминается Мюнхенский сговор демократических государств с Гитлером и отказ от действенных мер по отношению к агрессору. Так, конгрессмен Л. Джонсон (в 1963-1968 гг. президент США), выступая в конгрессе в 1947 г., говорил: «Франция могла остановить Гит-

лера, когда он вторгся в Саарскую область. Франция и Англия могли бы предотвратить оккупацию Австрии, а позднее не дать возможности нацистам захватить Чехословакию. Соединенные Штаты, Англия и Франция могли бы не допустить разгрома Польши, если бы была общая решимость остановить агрессию. Японию можно было бы остановить перед тем, как она вторглась в Маньчжурию, и, вне всяких сомнений, ее можно было бы остановить, когда она начала войну против Китая. Однако сирены умиротворения убедили нас, что происходящее в Европе или даже в мире нас не касается, и вследствие этого Франция была принесена в жертву замыслам фашистов, а судьба Англии решалась в небе над Лондоном» [18].

Нечто подобное отмечает в своих мемуарах бывший премьер-министр Великобритании, один из видных деятелей консервативной партии Г. Макмиллан. Он писал: «Первые акции гитлеризма не давали повода для беспокойства. Более того, мы знали Муссолини и фашистскую Италию, и результаты казались неплохими... Естественно, никому не приходило в голову прочесть «Майи кампф» [19]. Западными историками, как правило, никак не обозначается отказ от реальных переговоров с Советским Союзом о создании в Европе системы коллективной безопасности. Замалчиваются многие факты поощрения западными странами агрессии в отношении Советского Союза и других стран Восточной Европы. Например, Гитлер, по утверждению западногерманского историка С. Хаффнера, считал, что «захват жизненного пространства за счет России» он может осуществить с помощью самого надежного его союзника – Англии [20]. Как утверждается западными историками, демократические страны стали невинными жертвами противостояния двух тоталитарных систем. Но, как можно видеть в реальности, западные страны являлись активными участниками гитлеровской политики противодействия советской угрозе и практики изоляции СССР на европейской и международной арене.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Костромина Н.Г. Теория и практика тоталитаризма в оценке французской исторической и политической мысли в XX веке. Дисс.... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2006. С. 3.
2. Бауман З. Свобода. М.: Новое издательство, 2006.
3. Nico1son H. Diariesand Letters 1930-1939, vol. I, p. 335, 339.
4. 5.The Times. December 14. 1938.
5. Divine R. The Illusion of Neutrality. Chicago- London, 1968, p. 230-231.
6. Hartcup G. The Challenge of War: Britain's Scientific and Engineering Contributions to World War Two. New York, 1970, p. 26-27.
7. Deutsche Kolonialpolitik in Dokumenten, Gedanken und Gestalten aus den letztenfünfzigJahren.Leipzig, 1938, S. 489–490.
8. Ch. Beard, M. Beard. America in Midpassage. Vol. III. NewYork, 1939, p. 569, 570.
9. Гобозов И.А. Несостоявшийся мультикультурализм // Философия и общество. 2011.
10. Domarus M. Hitler, Reden und Proklamationen 1932-1945. Bd. 11, Wurzburg, 1963, S. 1726-1732, 1727.
11. Das Deutsche Reich und der ZweiteWeltkrieg, Bd. 4: Der Angriff auf die Sowjetunion. Stuttgart, 1983; J. Hoffmann.Hitler or Stalin? A German View, в: RUSI, 1986/2, p. 88.
12. Hoffmann J. Leserbrief, в: FAZ, 16.10.1986. Hoffmann, Die Angriffsvorbereitungen der Sowjetunion 1941, в: Wegner (Hrsg.) Zwei Wegenach Moskau. Vom Hitler-

- Stalin-Paktzum «Untemehmen Barbarossa». Munchen-Zurich, 1991, S. 367-388.
13. 14. Topitsch. Stalins Krieg (прим. 9); D. Kunert. Ein Weltkrieg wird programmiert. Frankfurt M. u.a. 1986; M. Kluver. Praventivschlag 1941. Zur Vorgeschichte des Ru?landfeldzuges. Leoni, 1986.
 14. Suvorov V. Who Was Planning to Attack Whom in June 1941, Hitler or Stalin? в: Journal of the Royal United Services Institute for Defence Studies (RUSI), 1985/2, S. 338 f.
 15. Василевский А. В те суровые годы // ВИЖ. 1978. № 2, с. 65-72, цит. на с. 67.
 16. Василевский А. В те суровые годы // ВИЖ. 1978. № 2, с. 68.
 17. Congressional Record. Vol. 93, pt. 4, p. 4695-4696.
 18. Macmillan H. Winds of Change, p. 385.
 19. Хаффнер С. Самоубийство германской империи. Перевод с немецкого. М., 1972, с. 29.

REFERENCES

1. Kostromina N.G. Theory and practice of totalitarianism in the assessment of French historical and political thought in the twentieth century. Dissertation.... c.j.s. in Historical Sciences. Ekaterinburg, 2006. P. 3.
2. Bauman Z. Freedom. Moscow: Novoe Izdatelstvo, 2006.
3. Nielson H. Diaries and Letters 1930-1939, vol. I, p.335, 339.
4. The Times. December 14. 1938.
5. Divine R. The Illusion of Neutrality. Chicago- London, 1968, p. 230-231.
6. Hartcup G. The Challenge of War: Britain's Scientific and Engineering Contributions to World War Two. New York, 1970, p. 26-27.
7. Deutsche Kolonialpolitik in Dokumenten, Gedanken und Gestalten aus den letztenfünfzigJahren. Leipzig, 1938, P. 489-490.
8. Ch. Beard, M. Beard. America in Midpassage. Vol. III. New York, 1939, p. 569, 570.
9. Gobozov I.A. Failed Multiculturalism. Philosophy and Society. 2011.
10. Domarus M. Hitler, Reden und Proklamationen 1932-1945. Bd. 11, Wurzburg, 1963, P. 1726-1732, 1727.
11. Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg, Bd. 4: Der Angriff auf die Sowjetunion. Stuttgart, 1983; J. Hoffmann. Hitler or Stalin? A German View, in: RUSI, 1986/2, p. 88.
12. Hoffmann J. Leserbrief, in: FAZ, 16.10.1986. Hoffmann, Die Angriffsvorbereitungen der Sowjetunion 1941, in: Wegner (Hrsg.) Zwei Wegenach Moskau. Vom Hitler-Stalin-Paktzum "Untemehmen Barbarossa". Munchen-Zurich, 1991, P. 367-388.
13. Stalins Krieg (note 9); D. Kühnert. Ein Weltkrieg wird programmiert. Frankfurt M. u.a. 1986; M. Kluver. Praventivschlag 1941. Zur Vorgeschichte des Ru?landfeldzuges. Leoni, 1986.
14. Servonov V. Who Was Planning to Attack Whom in June 1941, Hitler or Stalin? in: Journal of the Royal United Services Institute for Defence Studies (RUSI), 1985/2, P. 338 f.
15. Vasilevsky A. In Those Harsh Years. Vizh. 1978. No. 2, pp. 65-72, quoted on p. 67.
16. Vasilevsky A. In those harsh years. VIJ. 1978. № 2, p. 68.
17. Congressional Record. Vol. 93, pt. 4, p. 4695-4696.
18. Macmillan H. Winds of Change, p. 385.
19. Haffner S. The Suicide of the German Empire. Translation from the German. Moscow, 1972, p. 29.

Информация об авторах: Семенов Александр Альбертович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных дисциплин Армавирского механико-технологического института (филиала) Кубанского государственного технологического университета (Армавир, ул. Кирова, 127), г. Армавир, Россия
orion156@mail.ru

Гаспарян Карина Кареновна, бакалавр 2 курса Армавирского механико-технологического института (филиала) Кубанского государственного технологического университета (Армавир, ул. Кирова, 127), г. Армавир, Россия
karinagasparyan7@mail.ru

Авторы прочитали и одобрили окончательны вариант рукописи

Information about the authors: Semenov Alexander Albertovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of Department of Humanity Disciplines of the Armavir Institute of Mechanics and Technology (branch) of the Kuban state TEchnological University (127, Kirova st., Armavir), Armavir, Russia
orion156@mail.ru

Gasparyan Karina Karenovna, Student of Bachelor's Degree of 2-nd course of the Armavir Institute of Mechanics and Technology (branch) of the Kuban State Technological University (127, Kirov st., Armavir), Armavir, Russia
karinagasparyan7@mail.ru

The authors have read and approved the final manuscript.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 28.01.2021
Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and revision: 19.04.2021
Принята к публикации / Accepted for publication: 27.04.2021

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов./ The author declares no conflicts of interests